

ПОРЯДОК. КОНТРОЛЬ. ПРАВИЛА.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Edelzz K

Порядок. Контроль. Правила

«Автор»

2026

К Е.

Порядок. Контроль. Правила / Е. К — «Автор», 2026

Они просто заблудились. Но они нашли не выход — а ловушку. Вероника планировала идеальный отпуск. Лесные дороги, рыбалка, тишина. Но в Gila National Forest реальность оказалась жестокой. Когда их внедорожник упирается в пикап, перекрывающий дорогу, становится поздно что-либо менять. Они окружены. Связаны. И лишены всего — даже света. Их пленили не ради выкупа. Они — случайность, которую нужно устранить. Но главарь, человек с собственным кодексом, принимает неожиданное решение. Теперь Вероника должна платить. Не деньгами. Не свободой. Три дня. Семья в контейнере. Она — в его доме. И правил, по которым она привыкла жить, больше не существует.

© К Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	28
Глава 9	30

Edelzz K

Порядок. Контроль. Правила

Глава 1

Gila National Forest

К четырём часам дня они заблудились окончательно.

Найти дорогу назад уже не получалось — лесные развилки выглядели одинаково, а некоторые ответвления на бумажной карте вообще отсутствовали. Вероника уже решила пожертвовать какой-нибудь наименее нужной футболкой, разорвать её на ленты и отмечать кусты, лишь бы не ездить по кругу.

Утром всё казалось гораздо проще.

Они взяли арендованный внедорожник на неделю и собирались провести несколько дней в районе Gila National Forest. План был простой: доехать до озера, искупаться, порыбачить, переночевать несколько ночей в туристическом домике, где была бы вода, электричество, нормальная кровать, душ и возможность купить всё необходимое. Никакого экстремального похода не планировалось.

Вероника три дня готовила маршрут.

В телефон были заранее загружены офлайн-карты, офлайн-переводчик и необходимые сведения о районе. Кроме телефона у них была бумажная карта — большая, сложенная в несколько раз, купленная утром в туристическом центре.

Предусмотрели даже то, что действительно могло встретиться в горах.

В машине лежал спрей от диких животных. Мальчики заранее прочитали, что в районе водятся медведи и горные львы.

Алексей в планирование почти не вмешивался. Он считал Веронику человеком, который умеет просчитывать и строить маршруты. Если она сказала, что дорога существует и по ней можно проехать, значит, он в этом не сомневался.

С дорогой и начались проблемы.

На бумажной туристической карте одна из старых лесных дорог выглядела как нормальное продолжение маршрута. В реальности это была сеть старых служебных и лесных дорог, часть которых давно заросла или стала практически непроходимой.

Сначала они упёрлись в упавшее поперёк дороги дерево.

Объехать его оказалось несложно. Они нашли боковую колею и поехали дальше.

Потом выяснилось, что боковая колея выводит не туда, куда должна.

Телефон при этом показывал положение синей точки, но относительно старой карты и того, что они видели перед собой, положение уже заметно не совпадало. Несколько километров в горах превращались в совершенно другой участок дороги, а привычной мобильной сети не было.

Дорогу они уже выбирали сами. И выбирали всё хуже.

Около двух часов Вероника и Алексей спорили, куда ехать.

Вероника пыталась совместить бумажную карту с экраном телефона. Алексей, как обычно, считал, что ориентируется лучше, хотя уже несколько раз предлагал ехать по дороге, которая на карте вообще не была обозначена.

Обычно Вероника старалась не спорить с ним в таких ситуациях. Спорить было тяжело и, как правило, бесполезно.

Но сейчас она уже начинала злиться.

— Подожди, — сказала она, снова развернув карту. — Здесь эта дорога должна выходить к основной.

— А телефон?

— Телефон показывает, что мы над ущельем...

— Значит, мы где-то не там свернули.

— Именно поэтому я и пытаюсь понять, где.

Алексей посмотрел на экран.

— А я думал, ты всё просчитала.

Вероника промолчала.

Ответить было нечего.

Да и смысла не было.

Она действительно всё просчитала. Просто в её расчётах не было дороги, которая существует только на старой карте, и другой дороги, которая существует в реальности, но на этой карте отсутствует.

Максим, сидевший сзади, наклонился между сиденьями.

— А если мы вообще не там?

Илья, семнадцатилетний старший сын, посмотрел на карту.

— Мы точно не там, где должны быть.

Вероника снова посмотрела на экран телефона.

Координаты были.

Сети не было.

Офлайн-карта была.

Но дорога на ней уже не соответствовала тому, что они видели.

Перегретый от зарядки телефон неожиданно выдал предупреждающую табличку и завис. Экран погас.

Вероника несколько раз нажала на боковые кнопки.

Ничего.

Перезагрузить не получилось. Она снова развернула бумажную карту.

За окном тянулись горы.

Красивые, величественные, огромные.

И совершенно одинаковые.

Никаких ориентиров.

Только лесная дорога, которая постепенно становилась всё хуже.

Бензина оставалось около половины бака.

При обычной езде этого хватило бы с огромным запасом. Здесь расход был совсем другим. Они всё время ехали медленно, по камням, подъёмам и глубоким колеям.

Вероника посмотрела на бутылки с водой. Две пятилитровые канистры. Десять литров на четверых. Они ехали к озеру. Еды было достаточно на несколько дней, а воду планировалось пополнить на месте. Палатки и спальные мешки лежали в багажнике. Удочки тоже.

Но они рассчитывали не на выживание в горах.

Они ехали к домику.

К душе, холодильнику, магазину и нормальной дороге.

— Давай назад, — сказала Вероника.

Алексей посмотрел в зеркало.

— Куда назад?

Она ничего не ответила.

Потому что уже не знала, что лучше.

Телефон снова включился, но приложение с картой всё ещё загружалось. Синяя точка появилась на экране и почти сразу начала прыгать относительно дороги.

Вероника убрала телефон.

— Надо ехать дальше.

Дорога становилась всё хуже. Исчезла и нормальная грунтовка. Остались две глубокие колеи с камнями между ними.

Внедорожник справлялся, но Алексей уже почти не разгонялся.

Через несколько минут лес впереди неожиданно расступился.

Появилось больше света.

— Вот. Может, там что-нибудь будет.

Они выехали из-за деревьев.

Первым Вероника увидела старый грузовик.

Он стоял в стороне от дороги.

Потом ещё один автомобиль.

Затем несколько внедорожников.

На земле возле грузовика лежали какие-то ящики.

Люди...

Алексей медленно убрал ногу с педали газа.

Машина продолжала двигаться по инерции.

Он смотрел вперёд.

Вероника заметила, как изменилось его лицо.

Она знала эту реакцию.

В юности Алексей занимался спортивной борьбой. Никаких особенных достижений у него не было, зато драк хватало. Он мог ошибаться в оценке ситуации, мог быть прямолинейным и даже иногда откровенно глупым, но моменты опасности чувствовал хорошо.

— Что? — тихо спросила Вероника.

Алексей не ответил.

Он смотрел на людей.

Потом на машины.

Потом снова на людей.

— Назад.

Он потянулся к рычагу коробки передач.

Вероника тоже начала вглядываться в площадку.

Это не было похоже на туристическую стоянку.

Не было ни указателей, ни палаток, ни столов, ни костров.

Лесники?

Может быть.

Хотя место выглядело странно.

Алексей включил заднюю передачу.

И в этот момент Вероника увидела машину позади.

Старый пикап стоял поперёк дороги.

Они не заметили, как он подъехал — он стоял за поворотом, с заглушённым двигателем, скрытый деревьями. Но теперь он перекрыл отступление.

Алексей замер.

— Блядь.

Илья сразу выпрямился.

Максим замер.

— Пап?

— Тихо.

Люди уже двигались к ним.

Один подошёл справа.

Другой слева.
Ещё несколько остались впереди.
Теперь оружие было видно хорошо.
Пистолет.
Ещё один.
Винтовка.
Вероника почувствовала резкий прилив адреналина.
В груди будто что-то сжалось. Сердце резко ударило в грудную клетку. Появилась тяжесть, которая быстро перешла в боль. Она почувствовала головокружение.
Организм мгновенно включил реакцию «бей или беги».
Только бежать было некуда.
Алексей заглушил двигатель.
В салоне стало тихо.
Вероника смотрела прямо перед собой.
Её мозг, который обычно в любой ситуации начинал искать варианты, на несколько секунд просто перестал работать.
Нужно было что-то делать.
Но что?
Договариваться.
С кем?
О чём?
Если можно откупиться деньгами, то сколько и где гарантии, что их оставят в живых?
Вероника посмотрела на Алексея.
Он сидел неподвижно.
Боевой режим включился мгновенно, но она понимала: против нескольких вооружённых людей это ничего не меняет.
Она положила ладонь ему на руку, лежавшую на рычаге коробки передач.
Не надо.
Не сейчас.
Максим молча выключил звук телефона и спрятал его между сиденьями.
Илья смотрел вперёд.
Он уже всё понял.
Семнадцать лет — достаточно, чтобы знать, что люди с оружием, которые окружают машину на заброшенной лесной дороге, не собираются спрашивать, понравилась ли вам природа.
К водительскому окну подошёл мужчина.
Стекло было открыто.
— Sorry. We are tourists.
Мужчина что-то ответил, быстро, эмоционально, громко и совершенно не понятно.
Алексей попытался вспомнить весь свой школьный запас английских слов.
— English?
Тот произнес что-то ещё.
Алексей не понял ни слова.
— We got lost.
Он показал назад, потом на телефон, потом на бумажную карту.
— GPS. No signal.
Мужчина посмотрел на него, потом на карту и что-то крикнул своим.
С другой стороны площадки ему ответили.
Несколько человек заговорили одновременно.

Вероника попыталась включить переводчик.
Телефон опять предательски вырубился, показав перегрев батареи.
Она нажала ещё раз.
Ничего.
— Блядь.
Языка на котором разговаривали люди она не знала вообще.
Она могла только смотреть на людей и пытаться понять, что происходит.
Через несколько секунд разговор на площадке прекратился.
Из-за грузовика вышел мужчина.
На нём была тёмная куртка и простая одежда. В руках ничего не было.
Люди расступались перед ним, освобождали дорогу.
Он подошёл к машине.
Сначала посмотрел на Алексея.
Потом на Веронику.
Потом на мальчиков.
— English?
— Yes.
— What are you doing here?
— Tourists. Lost.
Мужчина посмотрел на дорогу.
Потом на карту в руках Вероники.
— Lost?
— Yes.
Мужчина несколько секунд молчал.
Случайность была вполне возможной.
В этих местах действительно можно было заблудиться.
Но случайность не меняла того факта, что четыре человека оказались именно здесь.
Там, где их быть не должно.
Он посмотрел на машину.
Потом снова на Алексея.
Его люди уже ждали решения.
Убить их можно было быстро.
Но быстро — не всегда значит просто.
Он не любил убивать без необходимости.
Конкурент, человек, который собирается стрелять в него, полицейский, вставший на пути, — это одно.
Безоружные гражданские — совсем другое.
У него существовали свои правила.
Он посмотрел на своих людей.
— Átenlos.
Один из мужчин переспросил.
Главный повторил:
— Átenlos.
Связать.
Пока.
Напряжение вокруг машины сразу спало.
Люди убрали оружие.
Кто-то отошёл.
Кто-то вернулся к грузовику.

Сделка продолжалась.

Это не полиция.

Это не засада.

Это случайные туристы.

Вероника ничего этого не знала.

Она видела только то, что после нескольких слов главного оружие было убрано.

Это был единственный положительный признак.

Она не вмешивалась в разговор.

В своей обычной жизни именно она вела переговоры — иногда довольно жёстко, если позволяла позиция. Но сейчас она не знала ни языка, ни правил, ни людей, с которыми нужно было договариваться.

И главное, она понимала простую вещь: мужчина должен говорить с мужчинами.

Поэтому она молчала.

Главный посмотрел на неё.

Она старалась выглядеть спокойной.

Не плакала.

Не кричала.

Не спорила.

Всё её внимание было на семье.

На детях.

На Алексее.

Он перевёл взгляд на мальчиков.

Младший, Максим, сидел неподвижно.

Старший, Илья, выглядел гораздо хуже.

Он старался держать себя в руках, но страх уже невозможно было скрыть.

Главный снова посмотрел на Алексея.

— Out.

Алексей вышел из машины первым.

Напряжённый.

Чужой.

Вероника подробно и во всех деталях представила, как его сейчас расстреливают.

Мозг сам начал прокручивать картину, которую она не хотела видеть: кровь, падение, крик, агония.

Она попыталась понять, насколько это больно.

Как быстро человек теряет сознание.

Можно ли вообще ничего не почувствовать.

Только бы без боли.

Потом она подумала о детях.

И страх стал почти физическим.

Алексей открыл заднюю дверь машины.

— Please.

— Out.

— Выходим.

Илья вышел первым.

Максим — следом.

Вероника вышла из машины последней.

Она закрыла дверь и на мгновение задержала ладонь на ручке. Металл был тёплым от солнца — обманчиво спокойным, будто ничего не случилось. Будто они всё ещё были теми, кто приехал сюда за рыбой, закатами и тишиной.

Она знала, что стоит отпустить — и мост между «до» и «после» рухнет.

Она знала, что обратного пути уже нет.

Вероника разжала пальцы.

Ручка щёлкнула, возвращаясь на место.

И она шагнула вперёд — в горный воздух, в чужие взгляды, в пугающее её пространство.

В неизвестность, которая ждала её с той стороны двери.

Один из мужчин подошёл к Алексею и показал ему на землю.

Алексей не понял.

Мужчина шагнул ближе и попытался ударить его.

Сработал старый рефлекс.

Алексей шагнул вперёд, захватывая руку противника за запястье и предплечье, рванул на себя и вниз, разворачивая корпус боком, и, вбивая плечо под мышку, рывком уже собрался перебросить чужой вес через себя.

Это было так знакомо.

Так естественно.

А потом он увидел.

Краем глаза — движение слева. Двое других поднимают оружие. Их взгляды направлены не на него. Они смотрят мимо.

На семью. Веронику, Илью и Максима.

Руки Алексея разжались сами, будто обожгло. Он отпустил противника так резко, что тот пошатнулся. Шаг назад. Ладони вверх. Открытые, пустые, безоружные.

И он медленно, очень медленно опустил на колени.

Земля под ними была твёрдой и холодной. В горле пересохло. Сердце колотилось так, что он слышал удары в висках.

— Sorry, — сказал он хрипло, глядя в землю. — Sorry. Reflex.

Он чувствовал чужое дыхание рядом. Кто-то подошёл сзади — воздух сдвинулся. Где-то слева щёлкнул предохранитель.

Алексей не поднимал головы.

Он не защищал себя. Он не думал о себе.

Он думал о том, что только что совершил ошибку.

Если они посчитают его угрозой, они выстрелят. Не в него.

Он стоял на коленях и пытался дышать.

Повисла тишина.

Потом главный сказал что-то короткое. Раздался смех — не злой, скорее удивлённый. Кто-то повторил его фразу, и несколько человек засмеялись снова.

— Loco gringo, — услышал Алексей.

Он не знал, что это значит.

Он знал только, что они не стреляют.

Мужчина, которого он только что держал, занёс кулак, намереваясь ударить его. Алексей не шевельнулся. Он смотрел в землю и ждал. Удар пришёлся в плечо — сильный. Алексей качнулся, но устоял на коленях.

Главный крикнул что-то ещё. Мужчина отошёл.

Из машины достали рулон серого армированного скотча.

Сначала связали Алексею руки за спиной. Потом заклеили глаза.

Следом связали остальных.

Вероника сидела на земле, скотч был широким и липким. Ей заклеили глаза.

Мир исчез.

Остались звуки.

Голоса.

Шаги.

Шорох одежды.

Дыхание Алексея рядом.

Запах его куртки.

Запах сыновей, который она узнавала даже сейчас.

Она не понимала ни слова из того, что говорили вокруг. Но она слышала, как дышит Алексей — тяжело, сбивчиво. Он был рядом. Он был жив.

Главный на секунду посмотрел на женщину.

Он ощутил что-то вроде сожаления, отвернулся и продолжил наблюдать за своими людьми.

Вероника сидела в темноте.

Теперь у неё не было ни карты, ни телефона, ни возможности контролировать происходящее.

Она могла только слушать.

Они были где-то в горах Нью-Мексико. Насколько далеко от ближайшего населённого пункта, она не знала. Насколько далеко от той дороги, по которой должны были ехать, — тоже.

Но одну вещь она понимала совершенно ясно.

Они пока были живы.

Глава 2

Вне зоны действия сети

Туристов увели в сторону пикапа и погрузили в кузов.

Patrón не смотрел им вслед. Он стоял у капота своей машины и наблюдал, как заканчивают грузить последние ящики. Сделка почти завершена. Ещё полчаса — и тут никого не будет.

Он кивнул одному из своих людей.

Тот не задавал вопросов. Подошёл к открытой двери внедорожника и заглянул внутрь. Сначала — бардачок. Документы на аренду, страховка, какая-то мелочь, салфетки. Ничего полезного.

Он вытащил документы, подобрал с земли бумажную карту — ту самую, которую женщина держала в руках, — и передал Patrón.

Patrón развернул карту, пробежал по ней глазами. Старая, туристическая, с пометками. Ничего интересного.

Он переключился на документы.

Аренда внедорожника. Имя, фамилия. Гражданство — Российская Федерация. Туристическая виза. Срок действия.

Русские?

Он удивленно поднял бровь. В этих местах русских почти не бывает. Туристы едут в национальные парки, но редко так далеко и неудачно. Обычно они берут проводника, держатся главных дорог и кемпингов.

Эти четверо были слишком самонадеянные. Удивительно, как маленькая ошибка может стоить жизни.

Он сложил документы и сунул их во внутренний карман куртки.

Тем временем его человек продолжил осмотр. Центральная консоль — телефонное гнездо, зарядка, пустая бутылка. Под сиденьем — пусто.

Он обошёл машину и открыл багажник.

Четыре спальных мешка в чехлах. Палатки. Удочки. Канистра с водой — две пятилитровые, ещё одна литровая, почти полная. Несколько упаковок с едой, консервы, горелка.

Туристы.

Он вытащил рюкзак, расстегнул молнию. Одежда, ещё одежда. Аптечка — пластыри, бинты, какие-то медикаменты. Фонарики.

Ничего подозрительного.

Ни оружия. Ни раций. Ни спутниковых телефонов. Ничего, что могло бы быть опасным и выдать местоположение базы полиции или лесной охране.

Мужчина захлопнул багажник и подошёл к Patrón.

— Туристы, — сказал он. — Еда, спальники, удочки. Даже медвежий спрей есть. Ничего интересного.

Patrón кивнул.

Он уже знал это. Он видел их лица, их страх. Они не врали. Они заблудились.

— Телефоны?

— Три. У женщины, завис. Все — какая-то дешёвая китайская дрянь, они идиоты, отправляться в el parque без нормальной связи.

Patrón снова кивнул.

Он не любил оставлять следов. Все вещи нужно будет уничтожить. Документы он пока оставил себе — их тоже, но позже.

Он перевёл взгляд на свои машины. Люди заканчивали. Ещё несколько минут — и их тут не будет.

Он посмотрел в сторону, где сидела семья. Их возможно тоже скоро не будет. Совсем. Они были там. Связанные. Беспомощные. Женщина не плакала. Она сидела неподвижно. Не кричала. Не молила о пощаде. Просто сидела и молчала. Это было необычно.

Ему приходилось сталкиваться с женщинами в неприятных для него ситуациях. Американки обычно начинали орать, угрожали полицией, спецназом, ФБР, посольством. Им с детства внушили избранность их гражданства. Что весь мир обязан их защищать.

Мексиканки были другими. Они могли кричать, могли проклинать его и его семью, не пытались сдержать эмоции.

Но эта...

Она даже не пробовала просить. Она просто сидела и молчала.

И что-то в этом было неправильное. Её молчание было не только от страха — в нём чувствовалась какая-то собранность.

Главный поморщился.

Он не любил, когда люди вели себя не так. Это значило, что их сложнее просчитать и контролировать.

У женщины были русые волосы.

Не совсем светлые. Но и не такие черные, к каким он привык.

Скотч приклеился к ним намертво. Когда его будут снимать, волосы будут испорчены — если, конечно, его вообще придётся снимать.

Главный усмехнулся своим мыслям.

Какая разница, как выглядят волосы, если головы уже нет?

Он отвернулся.

— Заприте на базе в контейнер.

Человек, стоявший рядом, кивнул и отошёл. Он не переспрашивал. Не уточнял. Ему было достаточно приказа. Это просто работа.

Мужчина, осматривавший машину, достал свой спутниковый телефон. Набрал контакт в прокатной конторе — того парня, который работал на Patrón.

— Машина русских. Аренда. Удали данные. Трекер отключи.

Короткий ответ: «Ок».

Всё. Теперь машина существует, но её не ищут. По крайней мере, пока кто-нибудь не забеспокоится и не проверит лично. Без повода этого никто делать не будет.

Он захлопнул багажник и отогнал внедорожник в ближайший кустарник, просто чтобы спрятать его подальше от глаз. Трекер всё ещё работал, но никто не смотрел на его сигнал.

Он заглушил двигатель, вышел, закрыл дверь.

Пока пусть постоит здесь. До других распоряжений.

Он развернулся и пошёл обратно к пикапу.

Пора уходить.

Двигатель зарокотал. Машина тронулась с места, и колёса почти ласково зашуршали по каменистой дороге.

В кузове пикапа было тесно.

Туристы лежали вповалку, прижимаясь друг к другу на каждом ухабе. Пикап был на рессорах, и его создатели явно не планировали перевозить в кузове людей.

Под днищем громко гудел выхлоп.

Вероника чувствовала плечо Алексея рядом. Слышала, как Илья сдерживает дыхание на особо глубоких ямах. Максим дышал — прерывисто и напряжённо.

Дорога казалась бесконечной. Сколько прошло часов понять было невозможно.

Наконец пикап остановился, снаружи слышались голоса. Дверь кузова распахнулась, и в лицо ударил сухой, горячий воздух.

Даже сквозь скотч на глазах чувствовалось — здесь душно. Жара не спала, хотя солнце уже садилось. Воздух был тяжёлым, насыщенным пылью и ржавчиной.

— ¡Más rápido!

Грубые руки схватили Веронику за плечи и поставили на ноги. Ноги затекли, колени подогнулись, но её удержали. Поволокли вперёд.

Звук шагов изменился — с гравия на бетон. Пахло сыростью, металлом и едва уловимо хлоркой.

Её толкнули вперёд.

Она неуклюже упала, пол был металлическим.

Раздался лязг захлопывающейся двери.

И наступила тишина.

Не с первой попытки Вероника смогла сесть и прислониться спиной к стене. Скотч на глазах. Руки связаны за спиной.

Рядом — дыхание Алексея. Тяжёлое, сбивчивое, живое.

Где-то слева — Илья. Она слышала, как он иногда вздыхает. Рядом с ним — Максим. Она не слышала его, но знала, что он там.

Внутри было душно. Воздух был тяжёлый и горячий. Даже через скотч она чувствовала запах ржавчины, грязи, собственного пота и ... хлорки. Необычное сочетание подумала она.

Она не знала, сколько пройдёт времени, прежде чем они снова увидят свет.

Но она знала, что должна оставаться спокойной.

Она не плакала.

Она сидела и слушала шаги снаружи.

Чужие голоса.

И в темноте она слышала, как стучит её сердце.

Глава 3

Контейнер

Внутри было душно.

Воздух стоял тяжёлый, горячий, как в закрытой машине на солнце. Он не двигался. Он просто висел вокруг, и каждый вдох давался с трудом.

Вероника сидела на полу, прислонившись спиной к металлической стене.

Скотч на глазах. Руки связаны за спиной. Пальцы уже давно онемели.

Рядом — дыхание Алексея. Хорошо, что он просто молчал. На выяснение отношений у Вероники не было сил. Его привычка искать виноватых всегда её бесила — он не был способен остановиться и тем более анализировать. Сейчас Вероника была ему благодарна хотя бы за тишину.

Где-то слева — Илья.

Она слышала, как он дышит — часто, поверхностно. Слишком часто. Слишком громко.

Она хотела сказать ему что-то, но голос застревал в горле, сухом и липком. Во рту пересохло. Язык прилипал к нёбу. Говорить было тяжело.

Максим молчал. Слишком тихо. Слишком напряжённо.

— Воды, — сказал Илья. — Мне нужно воды.

Голос звучал хрипло, сорванно.

— Воды нет, — ответил Алексей. — терпи.

— Я не могу. Пап, я не могу. Жарко. Я не дышу. Я...

Он замолчал. Вероника услышала, как он заёрзал, пытаясь сесть удобнее. Металл отозвался легким гулом.

— Дыши носом, — сказала Вероника. — Медленно. Не открывай рот.

— Я пытаюсь. Я не могу. Мам, я...

Он сбился.

Воздух становился плотнее. Вероника чувствовала, как он давит.

— Илья. — Голос Алексея был жёстче, чем обычно. — Ты слышишь меня?

— Да.

— Дыши. Я рядом. Скажи, что ты чувствуешь.

— Я... я не знаю.

Вероника замерла.

Она знала, что паническая атака не подчиняется логике. Она просто приходит — и сметает всё. Дома это можно было пережить: посидеть, подышать, подождать. Но дома не было металлических стен, духоты и чужой воли.

У Ильи была слабая психика. И сейчас они были там, где слабость становится смертельной.

— Ты здесь, — сказала она. — Ты с нами. Ты слышишь меня?

— Да.

— Ты не один.

— Я знаю. Я знаю. Но здесь... здесь слишком тесно. Слишком душно. Я не могу дышать.

Он начал дышать чаще, задыхаясь.

— Стена... я чувствую стену. Она давит. Она со всех сторон.

— Это только кажется, — сказал Алексей. — Это страх. Ты в безопасности. Они не тронут нас.

— Откуда ты знаешь?

Алексей не ответил.

Вероника чувствовала, как у Ильи нарастает паника.

Она попыталась подвинуться к нему, но руки были связаны, и пользы от этого не было никакой.

— Не двигайся, — сказал Алексей. — Просто сиди.

— Мне страшно, — сказал Илья. — Мне реально страшно. Я думал... я думал, что будет по-другому. Когда умрёшь.

В тишине повисла тяжесть.

— Ты не умрёшь, — сказала Вероника.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я здесь. И я не дам тебе умереть.

Илья не ответил. Но дыхание стало спокойнее. Не намного. Но Вероника слышала разницу.

Максим всё ещё молчал. Она знала, что он слушает. Что он боится даже дышать громко.

Она хотела сказать ему что-то, но не нашла слов.

Внутри было темно, жарко и душно. Пот стекал по спине. Скотч на глазах намок и стал липким.

Вероника пыталась дышать медленно.

Она не плакала.

Она не могла позволить себе плакать.

Через несколько минут Илья снова заговорил.

— Мам.

— Да.

— А если они... если они убьют нас?

— Не думай об этом.

— Я не могу. Я думаю.

— Ты же понимаешь, что все люди когда-нибудь умрут, подумай, есть ли смысл бояться того, что произойдет с каждым в любом случае?

Он тяжело выдохнул и снова начал дышать часто.

— Я хочу выйти, — сказал он.

— Что?

— Я хочу выйти отсюда. Я...

Он завопил, пытаясь встать. Металл заскрипел.

— Илья, прекрати, — резко сказал Алексей.

— Я не могу. Я не могу сидеть. Я задыхаюсь.

— Прекрати, я сказал.

Голос Алексея стал раздраженный и злой — первый раз за всё время.

Илья замер.

Повисла тишина. Вероника слышала только чужое дыхание и стук собственного сердца.

— Прости, — сказал Илья тихо.

— Всё нормально, — сказал Алексей уже спокойнее. — Мы все боимся. Но мы вместе.

Илья не ответил.

Он просто сидел и дышал.

Душно.

Вероника не знала, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Может, всего несколько минут.

Она знала только, что они живы.

И пока они живы, есть шанс.

Где-то снаружи раздался звук.

Шаги по гравии.

Голоса.

Кто-то приближался.

Вероника замерла.

Илья тоже замолчал. Даже Максим, кажется, перестал дышать.

Все напряженно прислушивались.

Глава 4

Двадцать

Тишина стояла плотная, как стена.

Вероника сидела неподвижно, слушая, как стучит её сердце. Шаги снаружи стихли. Голоса удалились. Никто не открыл дверь. Просто прошли мимо.

Она выдохнула. И поняла, есть проблема.

Ей хотелось пить.

Горло пересохло настолько, что глотать было больно. Язык прилипал к нёбу, во рту стоял привкус металла и пыли. Жара сжимала тело, вытягивая последнюю влагу.

Но была ещё одна потребность — острая, почти невыносимая.

Она хотела писать.

Сильно.

Так сильно, что низ живота свело, а мышцы напряглись. Она сжалась, втянула живот, попыталась думать о чём-то другом — о чём угодно.

Но ничего не помогало.

Вероника понимала, что не выдержит. Она знала своё тело — после двух родов оно уже не было таким надёжным. Она научилась жить с этим: не пить перед дорогой, помнить, где туалет, и даже чихать, предварительно напрягая мышцы таза.

Она хотела попроситься.

Представила, как это прозвучит. Как она будет звать — громко, чтобы кто-то услышал. Потом убедительно, чтобы её правильно поняли.

И не стала.

Вероника понимала, она - женщина. И она знала, как это работает там, где нет правил. Женщина — это жертва, объект.

Она не хотела быть ни тем, ни другим.

Даже если она сможет объяснить им: «Мне нужно в туалет», — это будет унизительно и главное опасно. Это напугает мужчин, что она женщина. Что у неё есть тело. Что это тело можно использовать.

Описавшаяся женщина — это не сексуально. Это противно. Это отвратительно. И Вероника приняла сознательное решение.

Она не попросилась.

Лучше промолчать.

Она знала, что долго не выдержит и выбрала рациональную реальность.

— Мам, — тихо сказал Илья. Его голос звучал тихо.

— Что? — ответила она.

— Ты как?

— Нормально.

Она врала.

Невыносимо хотелось пить. Так, что кружилась голова.

Парадокс, хочется пить — и одновременно хочется писать. Организм требовал жидкости и отказывался её удерживать.

Она начала считать.

Раз, два, три, четыре, пять...

Она считала, чтобы отвлечься. Чтобы не думать о том, как давит внутри. О том, что она не встанет, потому что руки связаны, глаза заклеены, и шагнуть некуда.

Шесть, семь, восемь, девять, десять...

Она вспомнила, как выбирали машину. Как Алексей хотел взять проводника, но она настояла на своём.

— Зачем нам чужой человек рядом? — сказала она тогда. — Мы сами справимся.

Она ошиблась.

Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Она вспомнила, как они стояли в туристическом центре. Проводник был свободен только через три дня. Ждать они не стали.

— Ничего сложного.

Просто Национальный парк.

В котором их, возможно, убьют.

Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать...

Она сжалась сильнее. Ноги свело от напряжения. Она знала, что долго не выдержит.

Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Она перестала считать.

Двадцать.

Она не выдержала.

Тёплая струя потекла вниз, обжигая внутреннюю часть бедер, впитываясь в плотную джинсовую ткань. Вероника вздохнула с облегчением. Она не могла остановить это.

Моча была тёплой. Вероника чувствовала, как она спускается ниже. Она сидела в этой луже, мокрая.

И в духоте контейнера появился новый кисловатый запах.

Смешался с запахом ржавчины, хлорки и пыли.

Вероника сидела расслабившись.

Она понимала, что остальные догадались или скоро догадаются, что произошло, но сейчас объяснять не хотелось. Потом.

Илья молчал. Максим молчал. Алексей тоже молчал.

Может быть, они не поняли. Может быть, они делали вид.

Вероника ненавидела свою самонадеянность. Она должна была взять проводника. Должна была подождать три дня. Должна была подумать о том, что в горах можно потеряться, что карты иногда врут, что телефон может умереть, а чужие люди не всегда дружелюбны.

Она сидела в мокрых джинсах, прислушиваясь к дыханию семьи. Они были рядом. Они дышали. Они были живы.

Глава 5

Душ

На базе было тихо.

Солнце уже село, и горы вокруг погрузились в бархатную темноту. Только ветер гулял по ущельям, да где-то вдалеке кричала ночная птица.

Patrón сидел на крыльце своего жилища.

Домом это можно было назвать с натяжкой — двадцатифутовый морской контейнер, обустроенный в жилой блок, с окном, душем, туалетом и электричеством. В этих местах это было роскошью.

Он смотрел на тёмные силуэты гор.

Усталость наваливалась. День был длинный. Всё прошло успешно, но осадок остался.

Он думал о тех четверых, которые сидели там, в темноте и духоте. Они не были врагами. Не были конкурентами. Они были просто туристами — с детьми, с удочками и спальниками.

Он знал, что они живые люди.

И он знал, что это — его ответственность.

Завершив все дела, он не мог просто лечь спать. Он должен был проверить, как разместили пленников — ведь он не дал точных указаний.

Он встал и пошёл через базу туда, где их держали.

Металлическая дверь открылась с протяжным скрипом.

Patrón остановился на пороге.

Изнутри на него ударила волна — горячая, спёртая, пропитанная потом, железом и... мочой. Он поморщился. Контейнер превратился в баню — душную и вонючую.

Он махнул рукой своему человеку. Тот посветил фонарём внутрь.

Связанные фигуры сидели на полу. Мужчина, двое подростков. Но взгляд главного остановился на женщине.

Она сидела в углу, прислонившись к стене. Её джинсы были мокрыми — тёмные пятна расплзлись от бёдер, впитались в плотную ткань, оставив влажный след на металлическом полу.

Он понял.

Она была здесь без воды, без туалета, без возможности выйти. Это уже было похоже на пытку — даже если никто не планировал её пытать.

Patrón нахмурился.

Она не просилась. Она не плакала. Она просто терпела.

Он смотрел на её лицо: губы, кожа блестела от пота. Она повернула голову на звук. За себя она просить не будет — он понял это. Но сделает всё ради семьи.

Patrón принял спонтанное решение.

Он не чувствовал жалости. Жалость была ему незнакома. Но он чувствовал, что здесь — беспорядок. Что он забрал у них всё: свободу, свет, воду, возможность быть людьми. И сейчас он мог вернуть ей небольшую часть нормальности — чистоту.

Он отдал короткое распоряжение своему человеку:

— Выведи женщину. Ко мне.

Вероника не поняла, что от неё хотят.

Грубые руки схватили её за плечи, поднимая с пола. Ноги не слушались — она сидела слишком долго. Колени подогнулись, но её удержали.

— ¡Sal!, — сказал голос сверху.

Где-то слева завозился Алексей.

— Что вы делаете?

Его проигнорировали.

Веронику поволокли вперёд — шаг, другой, третий. Она спотыкалась, но её тащили.

Свежий, холодный ночной воздух ударил в лицо.

Она сделала глубокий вдох — первый нормальный вдох за много часов. Горло наполнилось кислородом, лёгкие расправились.

Она не знала, куда её ведут.

Она боялась.

Patrón привёл её в свой дом.

Душевая с горячей водой. Настоящая роскошь в этих местах.

Он посадил Веронику на пластиковый стул.

Она сидела неподвижно, не сопротивляясь, покорно, но с достоинством. Ждала.

Patrón наклонился и аккуратно снял с неё кроссовки. Носки были мокрыми от пота — он бросил их в сторону. Стул придётся помыть, но это неважно.

Он взял её запястья — скотч был липким, въелся в кожу. Он разрезал его ножом. Вероника дёрнулась, когда руки освободились, но не сделала попытки сопротивляться.

Она слишком хорошо понимала, что может произойти. И не знала, как лучше реагировать. Тут включился её внутренний аналитик: не знаешь ответа — жди шанс.

— Stop, — сказал он.

Она молча кивнула.

Скотч с глаз он решил не снимать. Зачем ей видеть лишнее?

Он снял с неё пропахшую льняную рубашку, потом спортивный топ.

Остановил взгляд на её груди.

Небольшая — первый или второй размер. Плотная, упругая, почти девичья. Как будто она не кормила детей. А может, и не кормила. Какая разница? Сейчас мало кто кормит грудью. Он пожал плечами и перевёл взгляд.

Мокрые джинсы тяжело стягивались с ног. Резинки на щиколотках держали влагу внутри, и когда он стянул их, на пол потекла все еще тёплая, пахнущая моча. Он поморщился, но не остановился.

Сначала раздеть — потом душ. Не наоборот же.

Он закинул всю одежду в стиральную машинку, которая стояла тут же, в углу. Он любил комфорт. Любил порядок. Это было его правилом.

Задохнувшаяся и описанная женщина в контейнере — это не порядок.

К мужчинам он относился иначе. Мужчины могут и должны терпеть.

Он включил воду.

Тёплая. Почти горячая.

— Wash up, — сказал он.

Вероника стояла неподвижно.

Она не понимала, что происходит. Звук воды притягивал своей нормальностью — именно такой, обычной, прежней жизнью, в которой душ не был роскошью.

Вода.

Она шагнула, нащупывая ногой поддон. Вода лилась на её плечи, на спину, смывая пот, грязь, запах этого странного и тяжелого дня. Она стояла под струёй, наслаждаясь ощущением тёплой воды на своей коже.

Тёплая вода.

Такое простое удовольствие.

Patrón стоял напротив, изучая её.

Она не пыталась прикрыться. Зачем? — прагматично подумала она. Это ничего не изменит. Она сделает всё, что от неё потребуется, ради семьи, ради детей. Если сейчас есть шанс договориться таким образом — она им воспользуется.

И чем дольше он смотрел, тем больше понимал: её покорность — не слабость. Возможно, часть менталитета или характера. Он ещё этого не понял, но очень захотел узнать.

Он наблюдал.

Вода лилась сверху, тёплая, живая, настоящая.

Она подставила лицо под струю. Струи стекали по щекам. Она чувствовала, как смывается с неё всё — запах мочи, запах пота, запах контейнера.

Она стояла под душем и думала о том, что сейчас она — голая, мокрая, беззащитная — в доме мужчины, который решает судьбу её семьи.

И она ничего не может с этим сделать.

Кроме одного — быть покорной.

Она повернулась к струе, позволяя воде бить в спину.

Тёплая вода.

Такое простое удовольствие.

Patrón задумчиво наблюдал за женщиной. И у него родилось и начало нарастать желание — естественное в такой ситуации для каждого мужчины.

Пока она наслаждалась водой, он снял все свои вещи и шагнул в душ.

Глава 6

Patrón

Вода лилась.

Тёплая. Настоящая. Живая.

Она почти не слышала звуков снаружи.

Где-то за спиной — движение. Она не прислушивалась. В этом не было смысла. Адреналиновая атака уже прошла, и её отпустило. Врождённые инстинкты «бей или беги» не сработали в этой ситуации. Наоборот, приходилось себя сдерживать, чтобы не разрыдаться, не устроить истерику, не бить и не бежать.

«Замри» — было бы гораздо выгоднее.

Но мозг, та его примитивная, первобытная часть, протестовала. И приходилось тратить энергию ещё и на то, чтобы удерживать эмоции под контролем. Никаких истерик. Истерика — это слабость. Бить вооружённого человека в безвыходной ситуации, когда от тебя зависит не только твоя жизнь, — это слабость.

Поэтому замри и терпи.

Полный контроль над телом и эмоциями давался не легко. Но она выдержит.

Вода, тепло, тишина.

Она наслаждалась моментом. Каждой секундой. Каждым ощущением. Она знала, что это может быть последний раз, когда она чувствует себя чистой. Последний раз, когда она просто стоит и не думает.

Вероника разрешила своему телу расслабиться, даже приказала, это потребовало усилий.

Не думать. Не анализировать. Чувствовать, как горячая вода стекает по телу. Она не обманывалась — это не подарок. Не доброта. Но сейчас она брала всё, что ей давали.

Она разрешила телу расслабиться — и оно послушалось. Плечи опустились, дыхание стало глубже, напряжение в мышцах, зажатых с момента, когда они выехали из-за деревьев, ушло.

Где-то внутри, в самой глубине, холодный рассудок продолжал работать. Запоминал. Анализировал. Выжидал. Но сейчас тело наслаждалось моментом.

Только вода.

Только тепло.

Потом воздух сдвинулся.

Кто-то вошёл в душ.

Она не обернулась. Не вздрогнула.

Она просто стояла и ждала, максимально расслабившись. Если не можешь изменить ситуацию, «расслабься и попробуй получить удовольствие», как говорят в России. Приказать расслабиться телу да, она могла, но вот получить удовольствие? Возбудиться для нее было физически не возможно, не та ситуация, не та обстановка, не тот... мужчина. Мужчина? Она его даже не видела, особо не понимала кто рядом и как выглядит, только чувствовала, как некую угрозу и в тоже время гарант безопасности ее семьи. Парадоксально, — подумала она.

Вода перекрылась на секунду — и снова полилась, уже шире, захватывая больше пространства.

Он был рядом.

Она чувствовала его кожей — тепло, исходящее от его тела, тяжесть его присутствия, дыхание, которое стало ближе.

Вероника не поворачивалась. Она стояла неподвижно, спиной к нему, чувствуя, как вода стекает по её спине.

Он не прикасался к ней. Просто стоял рядом, под струёй, позволяя воде смывать с себя пыль и пот долгого дня.

Она знала, что он смотрит. Знала, что изучает.

Она слышала его дыхание.

И ждала.

Patrón стоял и изучал её.

Она была невысокой — почти на голову ниже его. Плотная, не хрупкая. Тонкие, почти детские запястья, при этом полные, тяжёлые бёдра. Тонкая, изящная талия. Плечи прямые, спина ровная.

Кожа белая, ровная, гладкая, без шрамов и дефектов.

Белая кожа?

Она что, вообще не загорает? — подумал он.

Он смотрел на линию её позвоночника, на то, как вода собирается у основания спины, стекая по ягодицам, по бёдрам.

Она не пыталась закрыться. Не делала резких движений.

Он шагнул ближе.

Он был невысоким — около ста семидесяти пяти сантиметров. Коренастый, но без лишнего веса — жира почти не было, только сухое, поджарое тело, привыкшее к жаре и нагрузкам.

Плечи широкие, но не накачанные — мышцы плотные, как у человека, который не проводит часы в спортзале, а много работает физически. Грудь плоская, без рельефа. Живот плоский, без кубиков, но подтянутый. Руки длинные, жилистые, с выступающими венами на предплечьях. Кисти широкие, с грубой кожей и пальцами, привыкшими к физической работе. Ноги сильные, с плотными бёдрами и сухими, худыми икрами.

Такое тело не строится в тренажёрном зале. Оно строится работой — годами в жару, в пыли, без кондиционеров, с тяжёлыми ящиками и долгими переходами по горам.

Кожа смуглая — ровный, глубокий загар, свойственный тем, кто живёт на открытом воздухе. Никаких следов солнечных ожогов или неровного цвета — он равномерно смуглый, без границ загара от майки.

На груди и животе — тёмная, жёсткая растительность. Волосы на груди густые, чёрные, начинались от ключиц и сходили на нет у пупка, оставляя полосу вниз. Волосы на ногах тоже тёмные и жёсткие.

Он был возбуждён.

Член стоял — прямой, напряжённый, тёмный от притока крови.

Он чувствовал знакомое, тянущее тепло внизу живота, тяжесть, которая нарастала с каждым вдохом. Желание. Примитивное, древнее, сильное.

Первобытный мозг пытался перехватить инициативу у рационального, нарушить правила. Patrón хотел её. Он хотел прижать её к себе, чувствовать её тело под водой, слышать её дыхание.

Но он любил порядок.

И порядок требовал контроля.

Он стоял, чувствовал возбуждение, но не действовал. Смотрел на неё, на её спину, на то, как вода стекает по округлому женскому телу.

Контроль.

Он не прикасался.

Лицо его было типичным для этих мест — скулы широкие, челюсть квадратная, с лёгкой асимметрией. Нос чуть крупноватый, с лёгкой горбинкой. Губы полные, сжатые. Подбородок сильный, чуть выдающийся вперёд.

Он был выбрит.

Гладко. Идеально. Без щетины, без трёхдневной небритости, которую он так часто видел на других мужчинах. Он любил порядок — во всём. Беспорядок ощущался как физический дискомфорт.

Голова выбрита наголо. Пара шрамов: один над левым ухом, второй — почти незаметный, у линии роста волос.

Он выглядел на свои сорок четыре или сорок пять. Возраст читался в тонких линиях вокруг глаз — больше от солнца, чем от возраста. В лёгкой складке между бровей — привычка сосредотачиваться, думать, анализировать. В чёткости движений — дисциплина человека, который знает, чего хочет, и привык добиваться.

Она стояла спиной.

Он протянул руку и коснулся её плеча.

Кожа была мокрой, прохладной.

Вероника вздрогнула — едва заметно, почти неощутимо.

И замерла.

Он не убрал руку.

Просто стоял, глядя на неё.

Вода лилась.

Время остановилось.

Глава 7

Порядок

В конце такого длинного и тяжёлого дня — он мог позволить себе небольшой подарок. Почему нет?

Его тело знало, чего хотело. Плоть, разгорячённая близостью, требовала своего — глухо, настойчиво, без слов. Она цеплялась за любое разумное оправдание, за любой довод, который мог бы превратить желание в действие.

Рядом — женщина. Тёплая. Мягкая. Покорная.

Покорная? Понятная. Сейчас уже более понятная.

Он хотел её.

Он смотрел на линию спины, на то, как вода стекает по её коже, и хотел. Сильно. До ломоты в мышцах, до тяжести внизу живота.

Он мог бы просто взять.

Она не могла уйти. Не могла отказать. Не могла даже решить, где будет спать сегодня ночью. Она была здесь, полностью в его власти.

Но он любил женщин, любил секс. Настоящий — с притяжением, с желанием, с обоюдной похотью, с живым, горячим согласием. Без этого всё превращалось в насилие.

А с согласием были проблемы.

Он не мог получить то, чего она не могла дать. Любое её «да» сейчас было бы ложью. От неё зависела её семья, поэтому у неё не было выбора.

И это было бы не согласием. Это было бы изнасилованием. Ничего больше.

Внезапно она мягко развернулась к нему лицом. Её руки потянулись в поисках его члена. Первый шаг. Безоговорочная капитуляция.

Патрон на мгновение представил, как она ласкает его, и уверенно, немного жестко перехватил ее запястья, хрупкие, почти детские, с маленькими ладонями, он автоматически отметил, что наверное она покупает перчатки S размера, и эта неуместная и глупая мысль вернула его из наваждения в реальность.

Он резко развернул её спиной к себе, прижался к ней всем телом, она почувствовала его член — там, где спина переходит в пышные ягодицы, — большой, пульсирующий, возбуждённый.

Он взял мыло. Удерживая её одной рукой за живот, другой начал мыть — плечи, грудь, живот, внутреннюю часть бёдер. Наводя окончательный порядок.

Ее руки уже не пытались найти его тело, они опустились, находясь в небольшой напряжённости, соски сжались, дыхание стало глубоким и размеренным.

Вероника старалась контролировать себя, без паники, она выдержит.

Там внизу, внутри, она была абсолютно сухая.

Вымыв ее тело как считал нужным, на доли секунды дольше, чем нужно, задержал свою большую широкую и шершавую ладонь на ее лобке, намыливая и смывая. После этого он отстранился, с неохотой прервал телесный контакт кожа к коже и так же тщательно, как любил вымылся сам, смыл всю пену с нее и с себя.

Накинул на ее плечи, полностью укрыв, широкую плотную хлопковую простыню — пахнущую порошком и свежестью. Помог, направляя, дойти до кровати.

Глава 8

Русые волосы

Он откинул одеяло и посадил её на центр кровати. Укутанную в простыню, соблазн лучше спрятать.

Она сидела неподвижно, с заклеенными глазами, мокрая, чистая, беззащитная. Миниатюрные кисти рук сжимали края плотной ткани. Дыши ровно, приказала она себе. Учащенные удары сердца отдавались в висках.

Патрон отошел к столу, где лежал его телефон. Подключился к спутниковому интернету Starlink и скачал переводчик. Испано-русский. Голосовой. С аудиораспознаванием.

Он хотел быть ей более понятным.

Кондиционер тихо шелестел, разгоняя прохладный воздух, сохраняя после душа ощущение чистоты и свежести.

Он стоял у стола — обнажённый, мокрый после душа, с еще влажными волосами на груди и ногах. Член был напряжён, но он уже не предавал этому никакого значения.

Рядом была женщина. Мягкая, тихая и такая притягательная. С испорченными скотчем волосам, пахнувшая свежестью и мылом.

Экран телефона показал, что программа загрузилась. Он проверил микрофон, динамик, настройки перевода. Всё работало.

Голосовой переводчик — с испанского на русский и обратно. С аудиораспознаванием и аудиовоспроизведением.

Он хотел, чтобы каждое слово было понято правильно.

Он смотрел на неё — на её бесповоротно испорченные волосы, на простыню, которая создавала между ними осязаемый барьер.

Он взял телефон и сел рядом.

Набрал на клавиатуре: Ten paciencia, por favor. Cierra los ojos. Intentaré no dañar tu cabello al quitar la cinta, pero no mires cuando lo haga. Он больше не хотел пугать ее длинными, непонятными фразами на чужом языке.

Через секунду программа начала переводить, роботизированным голосом, рублено, без интонации, с одинаковыми паузами, с неправильным ударением: «Наберись терпения, пожалуйста. Закрой глаза. Я постараюсь не повредить твои волосы, снимая ленту, но не смотри, когда я это сделаю».

Женщина напряглась, глубоко вздохнула и едва заметно кивнула, давая свое согласие и обещая не нарушать установленных правил.

Он взял из аптечки медицинские ножницы, с тупыми концами, и очень аккуратно стал медленно разрезать липкую ленту. Его шершавые пальцы, привыкшие к грубой работе, были неожиданно осторожны.

Он действовал медленно.

Ножницы шли вдоль висков — там, где скотч приклеился к коже крепче всего. Армированная лента не тянулась, не рвалась, она держала крепко. Он поддевал край, отводил его пальцами, отклеивая по миллиметру. Сначала от висков, потом около глаз.

Скотч прилип к бровям. Волоски были впаяны в липкий слой и уже навсегда соединились с лентой, и он не мог отделить их без повреждений. Тянул медленно, равномерно, чувствуя сопротивление кожи.

Тишина между ними была такой плотной, как простыня, в которую он её укутал.

Он не останавливался.

Лента шла вниз — к скулам, к линии роста волос. Там он придерживал кожу пальцами, оттягивая её от клейкой поверхности, освобождая миллиметр за миллиметром. Это было очень медленно, он не дёргал и не пытался ускорить процесс.

Лента не хотела отпускать волосы. Армированный скотч цеплялся за пряди, спутывая их. Он пробовал отделять их пальцами — не получалось. Волосы оставались на ленте, липкая сторона держала крепко.

Пришлось резать.

Ножницы щёлкали сухо, коротко. Сначала одна прядь. Потом ещё и ещё. Светлые волосы.

У неё будет новая стрижка, подумала она отстранённо. Остро захотелось посмотреться в зеркало — увидеть себя. Уже другую.

Она сидела неподвижно.

Когда последний кусок скотча был отклеян, он убрал руки. Надо было навести порядок, собрать и потом сжечь все лишнее, скотч с волосами это слишком явная улика.

Он набрал на клавиатуре приказ и роботизированный голос воспроизвел его на русском: «Не смотри. Жди».

Она сидела с закрытыми глазами — как он просил. Веки дрожали. Ресницы, кое-где стали более редкими. На бровях — красные полосы от клея.

Она дышала часто, но тихо. Ждала.

Наводя порядок, он задержал взгляд на её лице, на спутанных светлых волосах, на простыне — которая разделяла их.

Глава 9

Контроль

Patrón отошёл к столу. Ноутбук был открыт, он еще раз пробежал глазами отчет, полученный днем на электронную почту.

Удивительный цифровой век. Сливы из федеральных баз — практически любая информация за пару минут. Никакой конфиденциальности в этом мире уже не существует.

Фамилии, даты рождения. Россияне. Визы В1/В2. Полные данные интервью: ответы на вопросы во время живого диалога, общие социально-экономические связи с родиной — работа, доход, имущество, семья. Финансовая состоятельность, подтверждённая банковскими счетами.

Обычные люди. Арендованный внедорожник, дешёвые спальные, никаких дорогих вещей. Не богатые. Не важные. Не опасные.

Он закрыл ноутбук и посмотрел на неё.

Она была на его территории. Там, где он работал, где спал, где хранил бумаги, где принимал решения. В его пространстве, которое он обычно предпочитал не делить ни с кем, тем более с женщинами.

Работа и женщины — это были две параллельные вселенные, и они никогда не пересекались. Его женщины просто не должны были ничего знать о его работе. Это правило.

Она уже видела лица его людей — это неважно. Лица не помогут полиции. А вот то, что она могла увидеть здесь... письменный стол у окна, дающего хороший обзор всей базы и происходящего на ней. Открытый ноутбук с перепиской. Бумаги на столе с цифрами и именами. Спутниковый телефон. Старую фотографию, прижатую к монитору. Карты на стене с отмеченными точками.

Дать ей возможность видеть было бы нарушением всех правил.

Он ощущал от её присутствия *тут* вполне понятный дискомфорт и при этом совершенно не понятное ему умиротворение.

Вернуть её в контейнер к семье было бы самым логичным, он уже распорядился: дать им несколько бутылок воды, ведро для естественных потребностей, развязать руки. Три дня в замкнутом душном и вонючем пространстве — не такая уж большая плата за жизнь. Даже если они смогут содрать скотч с лица, они не увидят ничего, кроме очертаний металлических стен, погружённых практически в полную темноту.

Но он не хотел возвращать ее в контейнер, эта мысль вызывала у него еще большее физическое отторжение, чем ее присутствие рядом.

Он уже решил: она не умрёт. Через три дня он отпустит их всех. К их машине. Как они выберутся — не его проблема. Он их отпустит и никогда больше не увидит.

Поэтому эти три дня *тут* она не должна ничего видеть. Три дня без света — не такая большая плата...

Три дня для её семьи и три дня для неё — это такие разные «три дня», оценил Patrón контраст между двумя вариантами.

Он уже понял: она — собранная, может себя контролировать. Такие запоминают. Такие выживают. Такие могут быть опасны. Обманчивая слабость — из-за неё можно допустить ошибки. Он уже допустил ошибку, потому что она *тут*. Там, где её никогда не должно было быть. Но это уже произошло. На ошибках надо учиться — исправлять их, минимизировать последствия.

Есть альтернативный вариант, закрывающий все вопросы, но Patrón уже не хотел к нему возвращаться.

Он смотрел на неё. На её лицо. На то, как она сидит, опустив руки, не дрожит, не просит. На её внешнее спокойствие, которое действовало на него странно — не раздражало, не настаивало. Успокаивало. Рядом с ней было тихо.

Он привык к одиночеству. Вне работы — всегда один. Не любил людей. Не любил неформальное общение вне бизнеса, вне задач. Оно его утомляло, перегружало его мозг ненужной аналитикой. По работе — он на автомате считывал, анализировал, составлял психологический портрет каждого. Замечал детали. Но вне бизнеса предпочитал быть один. У него не было семьи. Не было постоянной женщины. Он понимал, сколько это создаст проблем при его образе жизни и профессии. Он торговал оружием. Занимался поставками. Отлично разбирался в моделях, деталях, нюансах. Любил своё дело. Его уважали, знали, что он держит слово. Не нарушать закон у него бы не получилось — когда в этом есть необходимость, должен же кто-то его нарушать.

И вдруг безотчётно поймал себя на мысли. Короткой. Непривычной.

«Моя».

Он тут же отогнал её. Сжал челюсти. Она не была его. Она не могла быть его. Через три дня она уедет, и он забудет её имя.

Но на эти три дня — «моя».

Мысль пришла снова — чёткая, почти уютная. Он её зафиксировал, не пытаясь оценить.

Он нашёл среди вещей старую футболку — мягкую, хлопковую, ношеную, практически ветошь. Он не любил новую одежду. Привычная вещь давала больший комфорт. Он порвал мягкую ткань футболки на полосы. Широкие. Ровные.

Вернулся к женщине. Открыл на телефоне переводчик и набрал текст.

— Надо завязать тебе глаза, — проговорил роботизированный голос.

Не дожидаясь реакции, Patrón взял широкую ленту оторванной ткани. Подошёл сзади. Вероника не дернулась. Сделал повязку на глаза: сначала ткань, чтобы уберечь волосы, потом серый армированный скотч, чтобы обеспечить надёжность и полную темноту. Он делал это осторожно, стараясь, чтобы волосы не попали в клей, *чтобы не была испорчена ранее проде- ланная им работа*. Но туго и крепко — чтобы не сбилась, чтобы не переделывать.

Отстранился.

Теперь она ничего не увидит. Три дня. Всего три дня темноты. Это его цена. Это её плата.

— Руки вперед, — равнодушно приказал Google механическим голосом.

Чуть помедлив, Вероника протянула кисти вперед, ей пришлось отпустить края простыни, которая служила ее единственной защитой. Тяжёлая ткань разошлась, обнажая бедра и грудь.

Patrón так же защитил кожу её запястий полоской ветоши, потом связал скотчем. Чтобы лишить свободы, не обязательно причинять боль. Натянул обратно на плечи соскользнувшую простыню, пряча от себя её тело, грудь, небольшой и женственный живот — всю её женскую мягкость.

Его возбуждение моментально вернулось, но он умеет его контролировать, нет согласия, нет секса.

Честного согласия быть не могло. А честность была его базовой потребностью, его самоуважение держалось на честности — к себе, к бизнесу, к людям, к женщинам...

Щиколотки, ткань, скотч. Туго не требовалось, не имело смысла.

Отстранился, машинально отметив: восемь часов сна уже не получится.

Пора спать. Ранний подъём — это и привычка, и обязанность.

Затем взял бутылку воды и вложил женщине в руки. Набрал сообщение на экране телефона.

— Пей. Вода, — голос программы не передавал интонаций.

Вероника почувствовала холодный пластик. Сжала пальцы. Но не поднесла к губам.

Горло пересохло. В голове шумело. Она очень хотела пить. Ей удалось получить немного воды в душе, но этого было явно недостаточно. Она сжала бутылку, но пить не стала.

— Please, — сказала она. Голос был тихим, но твёрдым, размеренным, подражая машинному переводу. Она старалась проговаривать каждую букву медленно, чтобы её сразу поняли. — Please. Water. For my family.

Она не пила. Она держала бутылку в руках — и не подносила к губам.

Patrón смотрел, как она сжимает бутылку, как напряжены её пальцы, как она не пьёт.

Потому что не может. Потому что сначала «семья».

— Пей, — сообщил Google. — У них есть вода.

— Thank you, — выдохнула Вероника. Она не знала, можно ли этому верить, но верить очень хотелось.

— *And the toilet*, — зачем-то добавил Patrón по-английски.

Вероника покраснела, приняв слова за неприятный намёк и ярко представив произошедшее ранее. Воображение у неё было хорошим. Иногда даже чересчур.

На несколько секунд повисла тишина.

Patrón понял, как двусмысленно это прозвучало. И, пожалуй, даже слегка оскорбительно для неё.

А он всего лишь констатировал факт: вода и туалет у них теперь есть. Ничего больше.

Однако фраза вырвалась раньше, чем он успел подумать, как её можно интерпретировать.

Он посмотрел на женщину.

Вероника постоянно представляла, как семья задыхается в контейнере. Илья, Максим, Алексей. Она видела их лица. Чувствовала их жажду. Отчаяние. Безысходность.

Сейчас ей очень хотелось верить, что вода у них есть, вода — это шанс на выживание.

Вероника сдерживалась из последних сил. Но эти слова: «пожалуйста, воды для моей семьи» — лишили её последней опоры.

Слёзы бесят мужчин.

Она зажмурилась, чтобы не заплакать. Горло сжалось. Слёзы всё равно подступили.

Она сделала глоток, потом ещё.

Жадно, не останавливаясь, выпила всю бутылку.